

Т. И. ШАМЯКИНА,
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР (МИНСК)

ИНФЛЯЦИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопросы преподавания филологических дисциплин рассмотрены в контексте идеологических проблем, воспитания чувства патриотизма у населения в целом и подрастающего поколения в частности. Указано на некоторые мифы, стереотипы массового сознания, а также на ошибки в проведении образовательных реформ. Спрогнозированы возможные результаты внедрения модели 4-летнего образования. Намечены пути в определении не только тактических целей, но и стратегии образования.

Ключевые слова: образование; филология; белорусский язык; белорусская литература; белорусская культура; реформа.

The issues of teaching the philological subjects are considered in the context of ideological problems, upbringing of patriotism of the population in general and young generation in particular. Some myths, stereotypes of mass consciousness, as well as mistakes at implementing the educational reforms are pointed out. The possible results of introducing a 4-year education model are forecasted. Some ways to determine both tactical goals and educational strategies are outlined.

Key words: education; philology; Belarusian language; Belarusian literature; Belarusian culture; reform.

Независимая Беларусь существует около четверти века. Когда вспоминаешь становление государства, начало 1990-х гг., жуткое время после распада Советского Союза, не можешь не поразиться масштабу сделанного в нашей республике за короткий исторический период. Создана страна красивая, сильная, с социально

защищенным населением. Сохранены, по существу, лучшие советские традиции, которые продолжают прежде всего старшее и среднее поколение.

Молодежь – продукт новой эпохи. Она живет во время мощного научно-технического, технологического рывка, обусловленного, в том числе, заделом, созданным в СССР, а также ставшим результатом активного соревнования двух общественных систем – социализма и капитализма. Однако ни разу в истории человечества кардинальная модернизация, бурный прогресс, период стремительного подъема не продолжался более ста лет, а за ним обязательно следовали войны, революции, общая нестабильность жизни, упадок во всех сферах культуры. Впрочем, мы явно находимся в *точке бифуркации*, а это значит, что система неустойчива и есть возможность выбора. Если мировая элита и ориентированное на гедонизм население изменят свои жизненные установки и приоритеты, откажутся от алчности и эгоизма, то в будущем, вслед за информационной, последует *творческая революция*, кардинальное решение экологических и демографических проблем, обустройство родной планеты и расцвет культуры всех народов. Однако это предполагает разумные ограничения в предоставлении комфорта, хотя и обещает достойный уровень жизни для всех членов общества.

В связи с неустойчивым равновесием, общей нестабильностью, переходным периодом встает вопрос: *к чему готовить молодежь?* К продолжающемуся неудержимому прогрессу с его нарастающими, как лавина, противоречиями или к возможным трудностям и некоторому самоограничению ради сохранения общего дома – Земли?

Правда, и то и то – крайности. Путь, основанный на рациональности, непредсказуем, но он все же не обойдется без ограничения потребления. А каким будет общество будущего – на самом деле загадка. И молодежь необходимо готовить к умению не столько приспосабливаться к непростым условиям, сколько решать нестандартные задачи.

Иначе говоря, у системы образования, как и у науки, должна быть четко обозначенная *цель, стратегия*, определен *путь развития*, причем с учетом того, что управлять смоделированной историей, как пытаются властители мира, на самом деле невозможно, поскольку она стихийна и может подбрасывать совершенно непредвиденные варианты событий, даже неправдоподобные сценарии. Кто год назад, если не верить в теорию «мирового заговора», предполагал гражданскую войну на территории Украины?

Отсюда первый вывод, который можно сделать из жизненных наблюдений: нельзя в стратегии образования исходить из узкопрагматичных, лишь злободневных целей, хотя их, конечно, нужно учитывать и по мере возможности перекосы быстро исправлять.

Недобор студентов в 2014 г. на некоторые специальности физики, скажем, атомную энергетику, – очень тревожный симптом. Кроме прочих причин назову, как мне кажется, главную: молодые люди не думают развивать отечественные ядерные технологии, так как не собираются оставаться в Беларуси.

Отталкиваясь от этой мысли, остановлюсь на общественных мифах, стереотипах сознания, успешно культивируемых нашими вездесущими СМИ, поскольку общекультурная атмосфера – тот *фон*, который во многом определяет тактические цели в системе образования.

У меня обширный круг знакомств – ученые, писатели, сотни учеников – окончивших наш факультет, студентов. Я мысленно посмотрела «окрест себя», подумала: каждый четвертый из моих знакомых либо сам уехал за границу, либо услал туда детей. А речь идет об интеллигенции, цвете нации, людях наиболее творческих, активных, предприимчивых.

Причина отъезда вовсе не трудности жизни, а накрепко вбитый в мозги не только молодых людей, но и умудренных взрослых комплекс преклонения перед Западом, уверенность в нашем отставании от Европы, убежденность, что там все лучшее, а жизнь комфортнее, свободнее, веселее. Этот комплекс проявляется во множестве вещей: от уличных вывесок и речевых клише до рейтинга университета.

Конечно, очень важно в мире выглядеть привлекательно, но это не должно стать основной целью. Как показала практика, абитуриентов и их родителей очень мало интересует рейтинг университета на международной арене, у них другие приоритеты, скажем, более приземленные. Не проста и проблема обязательного

сотрудничества с международными структурами, которое исключительно полезно и нужно, если речь идет о железках, безыдейных приборах и веществах, но не всегда безобидно относительно гуманитарных проблем. Так, в результате очень плодотворного сотрудничества нашего факультета с Ольденбургским университетом у нас, несмотря на сопротивление части профессуры, протаскивается замшелая историко-литературоведческая теория Бурдые, совершенно разрушительная для правильного понимания современной истории, оскорбительная для достоинства бывших советских людей. Кроме того, элементарно устаревшая, не отвечающая требованиям сегодняшнего дня.

Необходимо сказать и о концепции «малых литератур». Если белорусская литература – «малая», т. е. примитивная, ничтожная (подспудно европейцы, сотрудничая с нами, именно это и имеют в виду и незаметно через наших же ученых проталкивают в СМИ), то неудивительно незнание народом произведений гения белорусской литературы Якуба Коласа. Это пренебрежение культовым автором продемонстрировали участники не одного, а нескольких конкурсов на телевидении, показанных на всю страну. Как ни странно это звучит, но международное сотрудничество лишает нас выбора, ставит в жесткие рамки, определенные противоположной стороной, в основном для нас совершенно неинтересные.

Неуважение к своему и преклонение перед иностранным часто идет от *преувеличенного* внимания к просто сотрудничеству, проведению многочисленных совместных мероприятий, непременно обмену студентами и аспирантами, т. е. от желания обязательно стать вровень с лидером (Западом). Между тем, как пишет декан Высшей школы телевидения МГУ Виталий Третьяков, «...не всегда важно быть первыми. Если тот, кто впереди тебя, бежит в пропасть, не достоинство – обогнать его. Лучше уж быть как минимум вторым. И вовремя свернуть в сторону»¹.

На Западе очень много своих проблем, глупости и подлости, лжи и несвободы. Далеко не все там так рационально и продуманно, как некоторым кажется. Многие их идеи и нововведения не принесли ожидаемых результатов. Да, уровень бытового комфорта пока выше, но уже не намного. Конечно, здесь нам действительно нужно учиться лучшему, учитывать запросы иностранных туристов. Но спокойно, без апологетики, без заискивания, без любования, без заглядывания в рот и придыханий в говорении о достижениях европейской и американской культуры, без десятков отупляющих голливудских фильмов в неделю по государственными каналам белорусского ТВ. Если уж мудрейший из мудрых Папа римский Бенедикт XVI советовал католикам мира показывать своим детям советские мультфильмы, чтобы воспитать в них доброту, то, наверное, мы сами своих детей должны на том же воспитывать.

Проще говоря, в любом разговоре о странах Запада необходима здоровая объективность, а где-то не помешает и добрый юмор, даже скрытая ирония.

Пусть бы идеологические работники, журналисты, учителя и преподаватели учреждений высшего образования задумались, сколько сотен раз за один день обычный человек слышит из разных мест, из разных уст, часто очень авторитетных, возвеличение чуждой нам цивилизации. У нас же воспитание осуществляется по-прежнему на уровне лозунгов: «Покупайте белорусское!» В наше время лозунги не работают. А положение на самом деле серьезное. Но это не только не волнует нашу элиту, а наоборот, она чрезвычайно активно посылает учиться своих детей исключительно на факультет международных отношений, или в лингвистический университет, или к нам на отделения иностранных языков – и все с расчетом отправить чад из родной страны.

Сразу отметаю обвинения в реакционности и советизме. Я тридцать лет преподаю дисциплину «История и теория мировой культуры», призываю и студентов, и коллег, а в своих публикациях и читателей изучать мировую историю и культуру *как можно больше, глубже, основательнее*. У меня более ста печатных работ по культуре разных стран на белорусском и русском языках. И сотрудничать с международными структурами, конечно, нужно. Но только во всем необходима разумная мера. Уважай, знай чужую культуру, но *прежде знай и люби свою*. Вот градация – «уважать» и «любить». Иначе говоря, как воспитать настоящих патриотов, всегда и превыше всего ставящих *свое*?

Сергей Михеев, генеральный директор Центра политической конъюнктуры в РФ пишет: «Бесконечное оглядывание на Запад уже просто тормозит наше развитие»².

Точно сказано. Действительно, взгляд, устремленный в одну сторону, боязнь того, «что станет говорить княгиня Марья Алексевна», очень мешает творческой свободе, возможности быть собой. Если в технических, естественнонаучных дисциплинах сотрудничество крайне необходимо и обязательно, то в гуманитарных нередко спорно. В то же время для мира мы интересны именно нашей самобытностью, народной культурой – фольклором, этнографией, искусством.

В России уже даже среди экономистов раздаются голоса о необходимости ограничения экспорта, избавления от экспортно-импортной зависимости, о создании самодостаточной экономики, чтобы в рамках стран Таможенного союза производить абсолютно все, необходимое для жизни.

Нельзя сказать, что власти Беларуси (прежде всего Президент и его Администрация) не заботятся о патриотическом воспитании населения. Проводятся разнообразнейшие акции (например, возрождение производства служских поясов), реставрируются замки и дворцы, отмечаются праздники с учетом национальных традиций, каждый месяц деятели культуры получают разные премии и звания. Но население уже настолько настроено на потребление, что все, для него сделанное, только потребляет, воспринимает как шоу, как формы развлечений. Вообще как должное. То есть все, что делается, а делается, в самом деле, много, ощущается фоном, условием комфортной жизни.

Ведь познавательный интерес отсутствует, отсюда и позорные конкурсы. Царит развлекаловка. И нет любви. То, что приятно для глаз, созерцается равнодушно, с убеждением, что на Западе все равно лучше. Ну, пусть даже и лучше. Пока. А ты сделай, чтобы лучше было у нас. И ведь было – в СССР: лучшее образование, лучший кинематограф, лучший балет, литература, наука. Да не ценили. Как и сейчас не ценим.

В сущности, народ податлив. И ему можно внушить что угодно. И хорошее, и плохое. Достаточно посмотреть на Украину, где, если верить их официальным опросам, 85 % населения придерживаются националистических взглядов и крайне эгоистичны. Такая идеология у ближайшей соседки, конечно, пугает. А какая у нас?

У нас четко проводится очень правильная идеологическая линия – память о Победе в Великой Отечественной войне и осознание себя народом-победителем, который преодолел трудности и осуществил многовековую мечту о суверенитете. Это в самом деле то, что *лока* цементирует нацию. Но ветераны, к огромному сожалению, уходят, а молодые люди, несмотря на воспитательные акции в школах и вузах, о военных годах знают очень мало, да и не хотят знать.

Более того, как я выяснила, многие учителя и преподаватели руководствуются в своей деятельности не серьезными исследованиями, а бульварными писаниями. Стыдно бывает и за моих коллег, которые буквально на каждом факультетском мероприятии обязательно вспомнят доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина и пропоют хвалу «шестидесятникам», которые на самом деле как раз и готовили развал СССР. Да и абсолютно все положения доклада Н. С. Хрущева опровергнуты, причем авторитетными западными авторами, а российских монографий на эту тему вообще создано за четверть века просто огромное количество.

Именно с доклада Н. С. Хрущева, с его разрушительных реформ, со стремления догнать и перегнать Америку (значит, она заведомо лучшая) начинался распад СССР. Но что нашей элите до СССР – нет о нем сожаления. Она и тогда, неплохо устроившись, держала большие кукиши в карманах. И сейчас поступает так же. Вообще, что интеллигенции нужно?

Прежде всего она требует полной свободы слова и толерантности. Но с этой точки зрения в нашей стране (вопреки мнению Запада), подлинной демократии на самом деле гораздо больше, чем в самых «демократичных» странах, где царит жесточайшая цензура, и мозги населению промывают просто нещадно и изощренно.

Доказательства? У нас человек может публично, во всяком случае в среде коллег и студентов, высказываться против властей, регулярно выступать на радио «Свобода» и в оппозиционных изданиях, но будет нормально работать на государственной службе, более того, получать награды и звания.

У нас происходит размывание нравственного императива в оценке национальных деятелей. Некоторых, в частности писателей, делают буквально святыми, возводят в культ, почитают иконой. А всего только нужна объективность анализа, изучение творчества конкретного автора в полном объеме – с его подписями под

гнусными письмами, с антигуманной публицистикой, с оплевыванием ветеранов. Замалчивать факты не стоит – они все равно всплывут.

И не всегда уместно восхваление Радзивиллов и прочих магнатов, объявление их благодетелями белорусов, патриотами. Были в их жизни разные события и далеко не всегда благовидные поступки. Например, собирание по всей Европе документов, подтверждающих высокую дохристианскую культуру славян, и уничтожение этих бесценных рукописей.

Нельзя оспаривать, что наш народ предельно толерантен, любовно снисходителен к перерожденцам и всеяден. Конечно, пусть «расцветают все цветы», пусть существует все в разнообразии и как можно больше. Это наша *специфика* в силу центрального положения в Европе. Но государство пока не очень богато и обязано помогать только тому, кто работает на воспитание *государственного человека*.

Белорусская идеология, исключительно взвешенная, продуманная и продуктивная по сравнению со всеми постсоветскими республиками (и не только), имеет прогрессивное содержание – но при этом архаичную форму.

На самом деле, мы серьезно недооцениваем нашу идеологическую модель. У нас нет межнациональных, языковых, межконфессиональных конфликтов, разрушения нравственных ценностей и даже заметного противостояния поколений. То есть наша модель работает лучше, чем социальные установки многих западных стран, ведь у них эти проблемы есть, и они только обостряются.

Это удивительный факт! Основы нашей идеологии закладывались двадцать лет назад. Тогда мало кто в мире вообще мог себе представить, что во втором десятилетии XXI в. человечество столкнется с современными социальными проблемами!

Так почему же значительный процент нашей молодежи увлекается явно деструктивными идеями, которые пропагандирует, в частности, белорусская оппозиция? Не потому ли, что они подаются в более *заманчивой форме*?

Идет продвижение некоего *образа европейской Беларуси*. Но что это такое? Просто вымысел, конструкт. Он не опирается ни на что, кроме фантазий и очень доходчивых технологий. Хотя все мы знаем положение в Евросоюзе других бывших стран социалистического лагеря: Болгарии, Румынии, Прибалтийских лимитрофов. О процветании и «богатстве для всех», которые обещают наши оппозиционеры, там речь не идет. Но все равно европропаганда работает.

Стремление принимать все и вся или, наоборот, не принимать бывает мучительно для каждого конкретного мыслящего человека. Так, если внимательно приглядеться к ученым-гуманитариям, то нельзя не увидеть явной оглядки на Польшу и на писания белорусов-эмигрантов. В то же время большинство исследователей (кроме филологов и историков) говорят на русском языке. То есть налицо разлад в менталитете элиты, в голове каждого конкретного индивидуума.

Необходимо прививать любовь и уважение ко всем этапам истории! И в частности – к советскому периоду. А также ко всем социальным группам, чтобы не только магнаты, но и крестьяне были достойно представлены в культуре. Рассказывать о достижениях разных регионов, памятниках истории и т. д. Это хорошо и для имиджа страны, и для туризма – у нас получится удивительное разнообразие!

Потому мой ответ на вопрос об идеологии и одновременно о стратегии образования может быть таким: прививать *любовь* к своей стране, как это делается во всех государствах. Какими способами и методами – это задача для политологов, социологов, правоведов, филологов. Задача сложная, но выполнимая, если стараться.

Любовь начинается с уважения к своей истории, невероятно сложной и трагичной. Однако чтобы постичь сложность, необходимы *часы* на изучение, на чтение соответствующих художественных текстов, на просмотр кинофильмов. Иначе, без *постижения через образы*, история не становится частью индивидуальной памяти человека, не входит в сознание, не закрепляется в нем. Учебники, даже самые лучшие, здесь, к сожалению, не помогают.

И даже современность с ее проблемами ныне в сознание не входит – ее не пускают, отталкивают как досадную помеху в развлечениях. Многие молодые люди живут в виртуальном мире – игры, кино, анекдоты в сети. Как я выяснила, подавляющее большинство студентов новостные передачи не слушают, не смотрят, изредка пробегают в интернете. Какие сайты они открывают, в каких форумах участвуют – отследить совершенно невозможно. Это хаос. Такой же и в головах. Ходят, правда, почти поголовно на дополнительные курсы иностранных языков.

Студенты руководствуются сомнительными приоритетами, которые им внушены. На что они и их родители возлагают надежды – неизвестно.

Процесс увлечения иностранными языками противоречивый, имеет обязательные большие плюсы, но и неизбежные минусы. Павел Пожигайло, президент Фонда изучения наследия П. Столыпина, на вопрос: «Что бы он сделал, став министром образования?», ответил: «Я бы ограничил изучение иностранного языка. 6 часов в неделю – много. Нужно 2 часа в неделю с 5 класса, как в советское время»³. Ученый не обосновал свое покушение на священную корову. Попробую обосновать я. Нельзя за *государственный счет* изучать *неродной* язык, а значит, и неродную культуру, проникаясь чуждым менталитетом. Это нонсенс. 2 часа в неделю – приличия для мирового сообщества соблюдены. А остальное – за свой счет. За деньги. Другое дело, что городские власти, руководство вузов должны обеспечить наличие соответствующих вечерних курсов и факультативов (на нашем факультете дело поставлено хорошо, хотя можно и больше). Но при этом параллельно увеличить, углубить изучение собственной культуры – чтобы *нейтрализовать* чужое влияние.

С этой точки зрения я не знаю, что хуже: то, что не набрали студентов на ядерную физику или на белорусскую филологию. Двадцать человек – бюджетный набор на белорусскую филологию в самом престижном университете республики при наличии здесь мирового центра белорусистики, – вообще, позор для национального дела.

В Беларуси царит русский язык. Это данность. В переходе на белорусский не видят смысла ни служащие, ни техническая интеллигенция, ни широкие слои населения. Искусственно индуцированный массовый переход никому и не нужен. Это – крайность.

Но родной язык должен быть *уважаем*. Для этого важно было бы ввести хотя бы обязательный экзамен в базовой школе по белорусской литературе. А белорусская культура всегда и везде должна выступать приоритетом, пропагандироваться с особой симпатией и любовью.

Что мы можем сделать сегодня для поднятия престижа родного языка и культуры? Каждый из нас должен задаться этим вопросом.

Язык, как ничто другое, связан с коллективным бессознательным, с генетической памятью, с крестьянским прошлым, с почитанием природы и любовью к родной земле, а нам нужно – как одно из приоритетных направлений в стране – развивать производство продуктов питания, прививать уважение к сельскохозяйственному труду, увеличивать количество агрогородков и агроусадеб.

На развитие агропромышленного комплекса делается сегодня ставка. И это исключительно дальновидно в современных условиях. Думается, что обоснованные надежды мы возлагаем и на сферу услуг (в том числе и информационных), логистику и транзит, туризм и гостиничный бизнес.

Сегодня выйти на международный рынок со своими товарами и услугами очень непросто. Недаром ведущие мировые рекламные и маркетинговые агентства разрабатывают такие сложные, многоходовые планы по выходу того или иного продукта на рынок. И специалисты, которые в этом задействованы, – как раз гуманитарии. Филологи, психологи, социологи, искусствоведы, культурологи, антропологи.

Гуманитарии работают на продвижение автомобилей, компьютеров, бытовой техники. Потому что технические характеристики товара сегодня вторичны. На современном этапе развития производства *спрос не удовлетворяется, а формируется*. Каждому товару нужно создать *миф*, т. е. историю о нем. Создание мифов, создание смыслов и образов – самое сложное в обучении гуманитариев.

Чтобы заинтересовать покупателей своими товарами и услугами, необходимо сначала *заинтересовать их своей страной*. Ведь государство имеет определенный имидж, в том числе в качестве страны-производителя некоторой группы товаров. Отсюда расхожие представления, что «немецкая техника самая надежная», «итальянская обувь самая стильная» и т. п.

Страна, которая имеет оригинальный, продуманный и хорошо проработанный современный имидж, вызывает интерес покупателей, значит, у нее больше шансов продать свои товары.

Поэтому нам надо прямо сейчас задуматься: выглядит ли *дизайн* отечественной продукции по-настоящему белорусским и притом – современным? Он может стать открытием рынка и войти в моду? Он вообще хотя бы узнаваем, отличается от дизайна продукции других стран?

Способна ли информация о современной Беларуси, о ее культуре, природе, жизненном укладе, доступная в зарубежной прессе и интернете, вызвать настоящий интерес, желание приехать сюда и увидеть все своими глазами?

Готовы ли наши специалисты по маркетингу, по продвижению белорусских товаров на иностранные рынки заинтересовать, заинтриговать покупателей?

А ведь это – база. Это то, самое простенькое, что надо иметь на первом этапе. Не имея такого узнаваемого, эстетически проработанного образа страны, ее нельзя продвигать. Ведь именно образ и продвигается!

Беларусь, на данный момент малоизвестная для большинства западных обывателей, имеет хорошие шансы войти на рынок как новинка, как открытие, даже как модный тренд. И Сингапур сначала «показал себя», а потом туда потекли инвестиции. То же, собственно, но несколько раньше, произошло с Японией и со скандинавскими странами.

Но наши представители СМИ, рекламисты, маркетологи, дизайнеры, даже писатели и прочие представители творческой интеллигенции в это просто не верят. Они такой перспективы не видят. Исходя из этого и работают, чтобы было «хоть что-то», «как-нибудь». Да и не все они владеют нужными приемами. Результат неутешителен.

Нам сегодня, похоже, вообще рано говорить о продвижении отечественных товаров иностранным потребителям, мы ведь даже своих потребителей не можем ими заинтересовать! Несмотря на цену и качество. То, что мы производим, непривлекательно для нас самих.

Нет ощущения, что это наше, что нам эта продукция больше подходит, она нам ближе, мы это делали для себя, а потому это сделано так хорошо, качественно и недорого.

Как ни парадоксально это звучит, но модернизация сегодня предполагает архаизацию, т. е. возвращение к своим корням, своим традициям.

У нашей страны действительно есть перспективы. Но, увы, мы на эти перспективы не работаем.

Чтобы достичь какой-то цели, надо преследовать эту цель. Не просто работать, а прилагать усилия в конкретном направлении. А на данный момент у нас этого нет. Не сформулирована цель, и, хотя работа идет, она не приносит никаких подвижек и значимых, востребованных результатов.

Все это из-за отсутствия цели и стратегии в образовании. У нас установка – производить людей, способных давать прибыль, а вовсе не мыслящих, творческих граждан своей страны. Нынешние выпускники смогут производить прибыль только ограниченное время – пока не устареют те сферы, в которых они заняты. Сегодня нужно более гибко подходить к подготовке кадров, чтобы люди могли легко адаптироваться к новым технологиям, подходам, укладам.

Ради экономии, под лозунгом «оптимизации образования», мы игнорируем, отсекаем именно те составляющие образования, которые играют важнейшую роль в сохранении нравственного здоровья общества, в воспитании креативных личностей. Пренебрежение к искусству и гуманитарным наукам в конце концов обернется снижением качества жизни, если под этим понятием иметь в виду не только материальные блага.

Необходимо более продуманно, серьезно, опираясь на научный подход, совершенствовать систему образования. Постоянно искать самые эффективные методики, разумно составлять программы. И всегда иметь в виду конкретную цель. При этом избегать крупномасштабных реформ и преобразований, двигаться медленно, но последовательно. Поскольку уже совершено много неоправданного, то достичь оптимальной модели возможно только на основе научного подхода.

Осторожность, продуманность необходимы и потому, что на нашем пути множество препятствий, нам угрожают различные «вызовы». Скажем, «демографическая яма». Кажется, и мы, филологи, должны это учитывать и не ныть. Но на отделение белорусской филологии в 2014 г. набрано 17 чел. Слабенькие. Пусть мы их «дотянем». Но все равно отсеив неизбежен. На выходе останется 12–15 чел. Мы стареем. Нам необходима замена. Нужны молодые научные кадры – нельзя ведь совсем остановить изучение национального языка и культуры. Однако выдирать будет не из кого. Уже сегодня у нас катастрофа с аспирантурой. Самому молодому преподавателю нашей кафедры 35 лет. То есть уже образовался вре-

менной провал. А ведь нужно *успеть* передать накопленные нами не только знания, но и умение писать, создавая образы, понимать художественные произведения, преподавать.

Для современного этапа развития характерна мозаичность восприятия реальности и знаний молодыми, да и старшим поколением. Отдельные элементы реальности молодежь воспринимает как самую реальность. Для белорусов это особенно характерно именно в силу нашей толерантности, активного восприятия, даже «заглатывания», самых разных влияний.

В этих условиях нельзя делать предельно мозаичным еще и образование. Централизованное тестирование, которое является итоговой для школьников формой контроля, на самом деле имеет в виду итог *непонятно чего*. «Натаскивание» на тесты и путь развития активного читателя, творческой, думающей личности – это совершенно два разных пути, вообще две противоположные парадигмы образования.

А в вузовской практике совершенно разрушительны разные модули, курсы по выбору при четырехлетнем обучении. Какая-то часть студентов (единицы) изучает одно, какая-то – другое. Целостной картины мироздания и состояния гуманитарной науки никак в мозгах не сформируется. В результате имеем клиповое мышление. Человек с таким мышлением на творчество не способен, хотя, на первый взгляд, будет производить впечатление креативного.

И еще один чрезвычайно важный момент. При пятилетнем обучении на нашем факультете можно было себе позволить общеобразовательные дисциплины, даже математику. Я сама постоянно за них ратовала, повторяя: «Преподавание литературы – это преподавание жизни», а значит, учитель, вузовский преподаватель, будущий рекламист эту жизнь должен знать, постигать в разных ракурсах, при помощи многих наук. Логика подсказывает, что при сокращенном, четырехлетнем, обучении следует оставить лишь специальные дисциплины, направленные на узкопрофессиональную подготовку студентов. Безумно жалко, но что поделаешь.

Не тут-то было. Наоборот, дополнительные дисциплины заняли господствующее положение – все факультеты «в гости к нам». А на специальные – что остается. Остается, естественно, очень мало. При этом планы составлены мозаично, хаотично структурированы, без учета принципа историзма и системности, междисциплинарных связей. Выбор по желанию студентов дисциплин, которые раньше входили в обязательный набор классического образования, просто в корне подрывает основы этого образования.

Чиновники, вводящие четырехлетнее образование, исходили из наличия интернета, современных технологий, доступности информации. Конечно, информация более чем доступна. Но ведь дело не в этом. А в *усвоении* ее студентами. Информация стало в несколько раз больше, чем, скажем, в наше время, хотя получаешь ее быстрее (мы сидели в библиотеках). Однако сутки не удлинились, физиологические возможности человека остались теми же. Мозг устает быстрее, чем мышцы, а восстанавливается медленнее. За двадцать лет всеобщей компьютеризации количество формальных знаний (например, где какая страна находится – вечная проблема американских политиков) уменьшилось наполовину. Преподнесение информации без этого формального наполнения (а в литературе вообще все на конкретике основано), в препарированном, разжеванном, усеченном, тезисном виде нами, преподавателями, как сейчас требуется, настоящих знаний не дает, в сущности, ничему не учит. Это профанация.

У нас отнято время на обучение навыкам и умениям. Снова-таки чиновники не понимают, что мы изучаем *литературу*. А литература – *вид искусства*. Ее нельзя постигать, как теорему. Ее изучение, главное, ее понимание требует методов не только научных, а также и вчувствования по системе Станиславского. Значит, нам необходимо то время, которое дается обучающимся актерам и режиссерам. Время на жизнь в тексте, жизнь с текстом. Притом, что, кроме чтения специальной литературы, а литературоведение – такая же серьезная наука, как все остальные, необходимо, собственно, чтение художественных текстов. Почему это не учитывается в учебной нагрузке?

Чиновники вообще не учитывают очень многого. Например, того, что мы должны проверять сданные нам работы, рефераты на наличие плагиата. Это также

требует времени. Вообще, почему вопрос о сокращении часов решают те, кто совершенно не имеет понятия о специфике разных факультетов?

Размывание классического образования происходит разными путями. Например, через создание провинциальных университетов. Казалось бы, благое дело. Но в периферийных учебных заведениях ощущается недостаток квалифицированных преподавательских кадров. В то же время в БГУ, центре мировой белорусистики, а также одним из лучших на постсоветском пространстве центров русистики, невозможно загрузить профессоров – нет студентов, а значит, нет нагрузки. Может быть, стоит ввести обязательное повышение квалификации кадров периферийных университетов именно на нашем факультете? Ведь, будем честными, курсы повышения квалификации в РИВШ ни в какое сравнение не идут с работой профильных факультетов.

Кроме того, иметь при нашей демографической ситуации частные учебные заведения, как мне кажется, – непозволительная роскошь. Ради налогов в казну? Деньги можно добывать другим способом. Недавно в соседней России прошла волна скандалов относительно уровня обучения в платных вузах. Там над эффективностью их работы уже серьезно задумались. Стоит ли нам повторять чужие ошибки? Может, имеет смысл серьезно взвесить все за и против?

Последняя кардинальная реформа, в результате которой был сокращен срок получения высшего образования, нанесла сильный удар и по вузовской науке. Похоже, решение об этом принималось вообще без учета того, что вузовская наука существует. Скажем, для *нескольких* студентов, выбравших мой предмет (а в будущем, может, и не выберут), я не буду писать монографии, даже статьи. Нет стимула работать углубленно над проблемой. Для кого?

Уничтожение науки происходит и другими путями. Приведу пример, связанный с нашей филологической спецификой. Студенты после первого курса проходят так называемую фольклорную практику. За лето они должны собрать определенный корпус фольклорных текстов, в том числе и современный студенческий, городской фольклор.

Нашими преподавателями-фольклористами программа сбора и обработки текстов разработана очень скрупулезная, включающая множество пунктов. И с точки зрения руководства факультета, и с точки зрения нас, коллег, эта программа чрезвычайно сложна для студентов, практически неподъемна. Но иначе нельзя. Потому что это научная работа, а у фольклористики, как у любой науки, свои жесткие правила и нормативы.

Собранные студентами тексты поступают в фольклорную лабораторию, которая существует при кафедре теории литературы, и должны иметь соответствующий вид. Вот почему ранее преподаватели проверяли поступившие от студентов материалы (они насчитывают у каждого минимум сотню страниц), исправляли и возвращали студентам на доработку. Иногда приходилось возвращать не один раз. На это уходил весь сентябрь. Очень сложно и для студентов, и для преподавателей. Но зато получался добротный научный продукт.

Собранные материалы хранятся в фольклорной лаборатории как часть нашей культуры, своеобразный ее временной срез, как национальное богатство.

Эти тексты представляют объективную научную ценность и в будущем станут основой для фундаментальных исследований. Они будут использоваться в самых разных областях, вплоть до рекламы и туризма, т. е. имеют и культурную, и потенциальную коммерческую ценность. Неужели эти материалы и работа с ними не заслуживают хоть сколько-нибудь уважительного отношения?

Сейчас министерские и университетские служащие урезали время для получения зачета наполовину, кардинально сократили и часы на проверку. Они совершенно не имеют представления, сколько нужно времени для прочтения и исправления такого количества страниц текста, причем текста специфического, очень сложного. Им нет дела до настоящей науки. Так почему же они, не разобравшись в специфике, не посоветовавшись с теми, кто занимается такой работой много лет, принимают кардинальные решения? Почему нельзя было провести предварительные исследования, чтобы более или менее точно установить, какую именно работу нужно будет проделать преподавателям и сколько времени на это потребуются.

«Оптимизация образования» не означает механического урезания всего и вся. Оптимизация вообще предполагает *повышение эффективности*. Ее суть в целе-

направленных, хорошо продуманных и многократно проверенных изменениях. Опять же, тут необходимо четко определить цель. Она в том, чтобы всего стало меньше, или в том, чтобы система работала с большей отдачей?

Вообще, прежде чем рушить столетиями (именно столетиями) укоренившийся порядок, историческую традицию, обусловленную как раз условиями *восприятия* информации, необходимо было провести педагогический эксперимент, ввести четырехлетнее образование на одном факультете, дождаться выпуска, посмотреть контрольные «срезы» по основным дисциплинам, сравнить с выпуском «пятилеток». И если отличий мало, запускать процесс во всех учреждениях высшего образования республики.

Логика введения укороченного образования понятна в свете демографической ситуации. Но в наше время данная проблема как раз еще решается за счет старшего поколения, пенсионеров. Не все, как мне кажется, было просчитано и учтено.

И ссылки на некий «передовой зарубежный опыт» тут не пройдут. Ведь в Австрии, например, вообще не переходят на Болонскую систему и абсолютно ничего не меняют в укоренившихся традициях образования, наоборот, всячески культивируют национальные традиции. Там даже никому в голову не приходит урезать на год обучение. Мне возразят: «Австрия – страна богатая, может себе позволить». Однако у нас за плечами советский опыт, подъем образования и культуры в нищей, разоренной мировой и гражданской войнами стране, которая уже к 1990-м гг. вышла практически на первое место в мире по уровню образования. Интересно, чем же этот опыт хуже «передового зарубежного»?

Необходимо отметить, что этот самый зарубежный опыт вообще очень неоднороден. Разные страны по-разному решают многие задачи, связанные с образованием. Там, за рубежом, стремятся максимально учитывать и свою национальную специфику, и требования рынка труда, и общие условия жизни. Кроме того, там как раз видят перед собой цель, стремятся работать на перспективу. Почему бы нам не ориентироваться на *этот* опыт, *такой* подход не взять за образец?

И еще один момент. Нас часто проверяют разные бюрократические структуры. Во время этих проверок нашего мнения о тех или иных нововведениях никто не спрашивает. Можно было бы сэкономить время и силы – кроме проверки провести еще и сбор информации.

Предложенные изменения и реформы, должны иметь *научное и методическое обоснование*. Всего только. Если при принятии того или иного образовательного закона моего мнения как доктора наук и писателя никто никогда не спрашивает, то я, имеющая за плечами 40 лет преподавательской деятельности, дюжину разработанных лекционных курсов, более 400 публикаций, все же смею надеяться, что очередная чиновница, диктуя мне, профессору, свои требования, предъявит такой же послушной список или результаты экспертизы признанных авторитетов по проблеме. Вообще, везде и во всем необходимо научное обоснование, причем обязательно с учетом традиций и менталитета народа, а не просто бездумное копирование западных образцов. А уважение к профессуре должно не только декларироваться.

Итак: продуманность, расчет и научное обоснование.

Бюрократический вал нарастает, и если сейчас его не остановить, то он подомнет под себя не только традиции классического образования, но и элементарный здравый смысл.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Третьяков В. Не всегда нужно быть первым // Литературная газета. 2014. № 10. 12–18 марта. С. 9.

² Михеев С. Процветание в единстве // Литературная газета. 2014. № 11. 19–25 марта. С. 1–2.

³ Пожигайло П. Россия – это хор народов // Завтра. 2014. № 15.

Поступила в редакцию 19.09.2014.